

Дело заикающегося
епископа

Глава 1

Перри Мейсон внимательно смотрел на мужчину, который появился на пороге его кабинета и застыл в нерешительности.

— Заходите, епископ, — пригласил адвокат посетителя.

Коренастый мужчина в одежде свободного кроя из черного сукна и в черных поношенных ботинках чуть поклонился и широким шагом направился к предложенному Мейсоном стулу. У епископа было загорелое лицо с холодно блестящими серыми глазами.

— Сигарету? — Мейсон подтолкнул портсигар к гостю.

Епископ потянулся к сигаретам, но в последний момент передумал.

— Я курил недавно. Две затяжки, и все д-д-д-е-ла. — Когда его губы запнулись на первой букве последнего слова, епископ сделал паузу, дважды глубоко вдохнул, словно стараясь взять себя в руки. Когда заговорил вновь, голос стал твердым, как пальцы пианиста, который сфальшивил, но теперь исправляет свою ошибку, добавляя выразительности. — Если не возражаете, я лучше раскурю трубку.

— Как вам будет угодно, — ответил Мейсон и обратил внимание, что пузатая трубка, которую мужчина достал из левого кармана, выглядит совсем, как ее хозяин. — Моя секретарша сообщила мне, что вы — епископ Уильям Мэллори из Сиднея, и хотите поговорить со мной о деле, связанном с непредумышленным убийством, — начал адвокат, помогая посетителю преодолеть неловкость.

Епископ Мэллори кивнул, достал из кармана кожаный кисет, набил ароматными крупинками чашу из полирован-

ного бриара, сжал зубами мундштук и чиркнул спичкой. Наблюдая за ним, Мейсон не смог определить, зачем епископ прикрывает пламя обеими руками: то ли, чтобы скрыть дрожь пальцев, то ли по машинально, по привычке защищать зажженную спичку от ветра.

Мейсон внимательно разглядывал визитера в мерцающем свете: у него был высокий лоб, худое лицо с высокими скулами и волевым подбородком.

— Продолжайте, — подтолкнул его адвокат.

Епископ Мэллори выдохнул несколько маленьких облачков дыма. Он не относился к мужчинам, которые нервно елозят на стуле, но чувствовалось, что ему не по себе.

— Боюсь, мое юридическое образование оставляет желать лучшего, вот я и хочу знать, каков срок давности у непредум-м-м-ышленного убийства.

Заикнувшись повторно, он еще крепче сжал зубами мундштук. Быстрота, с которой он выдыхал облачка дыма, демонстрировала его нервозность и раздражение из-за дефекта речи.

— В этом штате принят закон об исковой давности, — неспешно ответил Мейсон. — По всем преступлениям, за исключением преднамеренных убийств, хищения бюджетных средств и подделки документов, обвиняемые должны быть переданы суду в течение трех лет после совершения преступления.

— А если обвиняемого не нашли? — спросил епископ Мэллори, и его серые глаза с надеждой посмотрели на адвоката сквозь синеватую пелену табачного дыма.

— Если обвиняемый находился вне штата, то период его отсутствия не засчитывается. — Епископ торопливо отвел глаза, но Мейсон успел заметить затуманившее их разочарование. Адвокат продолжил легко и непринужденно, как врач, пытающийся успокоить пациента перед операцией: — Видите ли, поскольку прошли годы, то сложно предоставить улики, доказывающие невинность обвиняемого, равно как и прокурору трудно найти доказательства вины в совершении давнего преступления. По этой причине для всех преступлений, за исключением самых громких, закон уста-

навливает срок давности. Это ограничение установлено юридически, но есть еще и ограничения, диктуемые практикой. Поэтому, даже если окружной прокурор официально имеет право привлечь обвиняемого к ответственности, по прошествии нескольких лет он может усомниться в целесообразности такого решения. — В последующей паузе епископ словно искал надлежащие слова, дабы облечь в них мысль, которую собирался озвучить. Адвокат, рассмеявшись, прервал этот процесс. — Знаете, епископ, клиент, консультирующийся с адвокатом, ничем не отличается у пациента, пришедшего к врачу. Все останется между нами. Как насчет того, чтобы просто рассказать мне, что вас тревожит, а не ходить вокруг да около, задавая отвлеченные вопросы?

— Вы хотите сказать, — оживился епископ Мэллори, — что окружной прокурор не захочет переда-а-авать в суд уголовное дело, если после преступления прошло двадцать два года, пусть даже обвиняемый все это время находился за пределами штата? — На этот раз ему так не терпелось получить ответ, что он не отреагировал на собственное заикание.

— То, что вы полагаете непредумышленным убийством, — ответил Мейсон, — для окружного прокурора может быть убийством с заранее обдуманым намерением.

— Нет, это непредумышленное убийство. Был выписан ордер на арест, но на том все и закончилось, потому что подозреваемый... точнее подозреваемая, скрылась?

— При каких обстоятельствах все произошло?

— Подозреваемая находилась за рулем и врезалась в другой автомобиль. По свидетельствам очевидцев она... эта же-е-енщина... была пьяна.

— Двадцать два года тому назад? — воскликнул Мейсон.

Епископ кивнул.

— Двадцать два года тому назад таких случаев было много, — заметил Мейсон, всматриваясь в лицо посетителя.

— Знаю, — согласился епископ, — но произошло это в одном из отдаленных округов, где прокурор... слишком рьяно выполнял свою работу.

— В каком смысле? — спросил Мейсон.

— Попытался использовать все зацепки, которые предоставлялись законом.

Мейсон кивнул.

— Обвиняемым, случайно были не вы, епископ?

На лице епископа отразилось, несомненно, искреннее изумление.

— Я в это время был в Австралии.

— Двадцать два года — это долгий срок, — сузив глаза, адвокат не отрывал взгляда от лица епископа, — даже для ретивого прокурора. Более того, окружные прокуроры приходят и уходят. За последние двадцать два года политическая карта этого штата значительно изменилась. — Епископ рассеянно кивнул, словно политические изменения не имели никакого отношения к рассматриваемому вопросу. — Поэтому, раз вы по-прежнему озабочены этим делом, я склонен думать, что причина не только в окружном прокуроре.

Епископ Мэллори широко распахнул глаза и заговорил не сразу.

— Вы очень у-у-умный адвокат, мистер Мейсон.

Тот ждал продолжения, но пауза затягивалась.

— Как насчет того, чтобы рассказать мне остальное, епископ?

Мэллори несколько раз затянулся, выдохнув облака дыма.

— Вы защищаете клиентов в расчете на «гонорар успеха»?

— Да, иногда.

— Вы соглашаетесь защищать бедняка против миллионера?

— Если человек — мой клиент, я буду защищать его и против дьявола, — сухо ответил Мейсон.

Епископ какое-то время задумчиво курил, несомненно, обдумывая, как перейти к главному. Потом обхватил рукой теплую чашу трубки.

— Вы знаете Ренволда К. Браунли?

— Знаю, — кивнул Мейсон.

— Никогда не работали на него?.. В смысле, его адвокатом?

— Нет.

— Вам предложат участвовать в процессе против Ренволда Браунли. Речь пойдет о больших деньгах. Точная сумма мне не известна, может, миллион долларов, может, больше. Начинать вам придется с чистого листа. Если выиграте дело, вознаграждение будет большим, двести или триста тысяч долларов. Предупреждаю вас, Браунли проти-и-ивник серьезный. Так что процесс будет жестким. Вы будете защищать права женщины, с которой обошлись несправедливо. И ваш единственный шанс выиграть — мои показания, как свидетеля.

Взгляд Мейсона тут же стал настороженным.

— И что? — спросил он.

Епископ Мэллори покачал головой.

— Поймите меня правильно. Я ни о чем не прошу. Для себя мне ничего не надо. Я хочу, чтобы справедливость торжествовала. Далее, если я стану главным свидетелем на процессе, мои показания могут быть поставлены под сомнение, если станет известно, что я пытался навести справки?

— Могут, — признал Мейсон.

Епископ сунул изогнутый мундштук между губ, пару раз затянулся, выпустив облачка дыма, задумчиво кивнул.

— Я так и предполагал. — Мейсон выжидающе молчал. — Так вот, не хочу я, чтобы кто-нибудь знал о моем приходе сюда. Естественно, лгать я не стану. Если мне зададут вопросы, имеющие отношение к процессу, когда я сяду в кресло свидетеля, я на все отвечу правдиво, поэтому для всех заинтересованных сторон будет лучше, чтобы вопросы эти мне не задавались. Я позвоню вам где-то через час. Скажу, куда подойти, чтобы встретиться со мной, и представлю вас тем людям, для которых исход процесса жизненно важен. Это будет процесс против очень богатого человека, безжалостного и несправедливого. После той встречи, — продолжил епископ Мэллори, — я исчезну и не буду общаться с вами, пока вы не найдете меня и не притащите в суд, как свидетеля. И вам придется приложить немало усилий, чтобы найти меня, мистер Мейсон. Но думаю, я могу рассчитывать, что вам это удастся. — Епископ кив-

нул сам себе, похоже, совершенно довольный сложившейся ситуацией.

Затем он резко встал и крепким шагом пересек кабинет. Он открыл дверь в коридор, повернулся, поклонился Мейсону и захлопнул дверь за собой.

Делла Стрит, секретарша Мейсона вошла в кабинет из второй комнаты, где стенографировала беседу.

— Как тебе эта история, босс? — спросила она.

Мейсон стоял посреди кабинета, расставив ноги и глубоко засунув руки в карманы брюк.

— Будь я проклят, если знаю, — медленно ответил он, уставившись на ковер

— А что ты можешь сказать о нем?

— Если он священник, то очень человечный. Никакой строгости в одежде, короткая трубка, впечатление человека с широким кругозором. Обрати внимание, он сказал, что не будет лгать, если другая сторона задаст ему некие вопросы, и моя задача — не позволить эти вопросы задать.

— Почему ты сказал «если он священник»? — полюбопытствовала Делла.

— Епископы не заикаются, — задумчиво ответил Мейсон.

— В смысле?

— До епископа нужно дорасти. Это люди выдающихся способностей и должны выступать публично. Если человек заикается, едва ли он станет священником. На это шансов немного, как и стать адвокатом. Но если он, заикаясь, стал священником, то стать епископом куда как сложнее.

— Понимаю, — кивнула Делла. — Так ты думаешь... — Ее глаза широко раскрылись.

Мейсон медленно кивнул.

— Он может быть чертовски умным самозванцем. С другой стороны, он может быть и епископом, который пережил эмоциональный шок. Насколько я помню, в судебной медицине говорится о том, что одна из причин заикания у взрослых — внезапный эмоциональный шок.

— Послушай, шеф, — в голосе Деллы Стрит послышалась тревога, — если ты намерен поверить этому человеку

на слово и бороться с мультимиллионером Ренволдом К. Браунли, прежде всего необходимо выяснить, настоящий он епископ или самозванец. Все-таки это две большие разницы.

Мейсон медленно кивнул.

— Именно об этом я и думал. Позвони в Детективное агентство Дрейка. Скажи Полу, пусть бросает все дела и немедленно идет ко мне.

Глава 2

Пол Дрейк, возглавлявший Детективное агентство Дрейка, бочком сел в большое мягкое кожаное кресло, привалившись спиной к одному из подлокотников, закинув ногу на ногу. Смотрел на Перри Мейсона бесстрастными глазами. Детектива в нем не видел никто, что позволяло ему добиваться феноменальных результатов.

Перри Мейсон вышагивал по кабинету, заложив большие пальцы в карманы жилетки. Он бросил через плечо:

— Ко мне за консультацией пришел епископ англиканской церкви из Сиднея, утверждающий, что его зовут Уильям Мэллори. Слов на ветер не бросал, цвет лица говорит о том, что он много времени проводит на свежем воздухе... Ты знаешь, о чем я. Кожа не просто загорелая, но и обветренная... Когда он приехал, не знаю. Его интересует дело о непредумышленном убийстве, которое завели двадцать два года тому назад в одном из дальних округов после автомобильной аварии, совершенной в состоянии алкогольного опьянения.

— И как он выглядит? — спросил детектив.

— Пятьдесят три, может, пятьдесят пять лет, рост пять футов и шесть или семь дюймов*, черный наряд священника, белый воротничок клирика, предпочитает курить трубку, сигареты по случаю, серые глаза, темные густые волосы

* Примерно 168–170 см. — Здесь и далее примеч. пер

с сединой на висках, решительный, уверенный в себе, иногда заикается.

— Заикается? — переспросил Дрейк.

— Именно так.

— Он — епископ и заикается?

— Да.

— Епископы не заикаются, Перри.

— Об этом и речь, — кивнул Мейсон. Заикание могло появиться недавно, возможно, как результат эмоционального шока. Я хочу знать, что послужило его причиной.

— И как он воспринимает свое заикание? — спросил Дрейк. — Я хочу сказать, как себя ведет себя, когда заикается.

— Напоминает гольфиста, который запарывает первый дальний удар на лунке.

— Мне это не нравится, Перри. По мне он обманщик. С чего ты взял, что он епископ? Кроме его слова, доказательств у тебя нет?

— Совершенно верно, — с готовностью согласился Мейсон.

— Позволь мне с этим разобраться и дать тебе знать.

— Именно этого я от тебя и хочу, Пол. Епископ должен связаться со мной где-то через час. Вскоре после этого я должен сказать «да» или «нет» насчет участия в процессе, где на кону будут стоять большие деньги. Если епископ настоящий, я склонен сказать «да». Если самозванец, откажусь.

— Что за процесс?

— Тайна сия велика есть, — ответил Мейсон. — Что-то связанное с Ренволдом К. Браунли, и, если все это не выдумка, я могу получить вознаграждение в двести, а то и триста тысяч долларов. — Детектив присвистнул. — Среди прочего речь пойдет о давнем обвинении в непредумышленном убийстве, которое повлекло за собой вождение в пьяном виде.

— Насколько давнее? — спросил Дрейк.

— Двадцать два года, Пол. — Брови детектива взлетели. — В те далекие времена за руль не так часто садились в пьяном виде. Более того, случилось это в одном из дальних

округов. Я хочу знать об этом все, и немедленно. Направь людей в округа Ориндж, Сан-Бернардино, Риверсайд, Керн и Вентура. Насколько я понял, в преступлении обвинялась женщина. Пусть шершестят архивы и проверят, не открылось ли в тысяча девятьсот четырнадцатом году дело о непредумышленном убийстве, где обвиняемой выступала женщина. Дело, которое не довели до суда. Далее, отправь телеграмму своим коллегам в Сидней, чтобы они все выяснили насчет епископа Уильяма Мэллори. Наведи справки в компаниях, занимающихся пассажирскими перевозками, и узнай, когда епископ Мэллори прибыл в Калифорнию и чем занимался после приезда. Свяжись с основными отелями, найди тот, в котором он остановился, и сообщи мне. Сколько людей тебе на это потребуется, столько и направь. Я жду результатов, и как можно быстрее. Действуй!

Дрейк тоскливо вздохнул.

— Легко сказать «действуй». Ты хочешь, чтобы за час была сделана недельная работа.

Мейсон продолжил так, будто пропустил слова Дрейка мимо ушей:

— Меня особо интересует, с кем он общается. Как можно скорее установи за ним наблюдение, как и за теми, с кем он войдет в контакт.

Детектив резко поднялся с кресла, распрямив длинные ноги и расправив сутулые плечи.

— Хорошо, Перри. Уже ушел.

У двери в коридор детектив вдруг остановился, резко повернувшись к Мейсону.

— Допустим, я выясню, что этот человек — самозванец. Будешь выводить его на чистую воду?

— Только не я, — Мейсон широко улыбнулся. — Но обязательно выясню, что он скрывает.

— Готов поспорить на двадцать долларов, что он — самозванец.

— У него честное лицо, — возразил Мейсон.

— Как и у большинства мошенников, — резонно заметил Дрейк. — Вот почему они процветают.